

УБИЙСТВО В УНИВЕРСИТЕТЕ

Инспектор уголовной полиции
Хиллари Грин

Книга вторая

Фейт Мартин

Карьера Пресс
Москва

*С бесконечной благодарностью —
доктору Ричарду Рашу, которого я изводила
расспросами всякий раз,
когда дело доходило до медицины*

ГЛАВА 1

Хиллари Грин покрутила ручку настройки, и раздражающе жизнерадостная «Фокс ФМ диджей» сменилась станцией «Радио-два», куда более соответствующей всем прелестям среднего возраста. Хиллари сдержалась, чтобы не скривиться.

И вовсе она не старая, не старая! Подумаешь, немного за сорок.

Но если крутой диджей тебе вдруг как ножом по стеклу, тут уж поневоле заподозришь неладное.

Она вздохнула и выключила чайник. Налила чашку быстрорастворимого кофе без кофеина и пожалела, что в холодильнике не нашлось яйца-другого. Вылить бы их на сковородку, да с беконом. Или с колбасками.

К счастью для нее, микроскопический холодильник, а с ним и микроскопический кухонный шкаф были девственно пусты. «Ну и хорошо, — угрюмо подумала Хиллари, — глядишь, сброшу пару фунтов». Подсознание подсуетилось? Или просто кто-то вовремя не зашел в магазин?

Думать обо всем этом в такую рань было чертовски неприятно.

Зевнув, она вытащила из-под складного стола про-

стую деревянную табуретку и села, опершись локтями о столешницу. Снаружи, за запотевшим окошком, раздался лихой свист, который заставил ее вскинуть голову, а мгновением позже по крыше что-то мягко стукнуло.

Почта, должно быть.

Бросив недопитый кофе, она неуклюже поднялась по трем ступенькам на нос и открыла дверь.

Холод стоял такой, что околеть можно. Высохший боярышник, унылая ива — все было покрыто толстым слоем инея. Шерстка инея расплзалась по крышам пришвартованных у причала лодок.

Вдохнув жгучий холодный воздух, Хиллари заморгала, окутанная паром собственного дыхания. Щеки заняли от мороза, нос нервно дрогнул.

* * *

Торопливо пошарив рукой по ледяной крыше каюты, она нащупала стопку конвертов, перетянутую резинкой, и торопливо юркнула обратно в тепло.

Отнеся добычу на кухонный стол, Хиллари с опаской ее развернула и начала изучать. Счет от мобильного оператора, листовка от «Ридерз Дайджест» с посулами миллионных выигрышей, предложение кредита для частных лиц (ха!) и зловещего вида белый конверт с отпечатанным адресом — от юриста.

Причем от чужого юриста.

От одного взгляда на незнакомый логотип у нее заурчало в желудке.

У большинства людей нежданное письмо от юриста порождает в воображении мысли о небольшом, но приятном наследстве от безвременно почившей незамужней тетушки, пожелавшей облагодетельствовать любимого племянника.

Однако Хиллари замерла, глядя на конверт так, словно в нем могло скрываться нечто чрезвычайно неприятное.

Как-то раз ей довелось получить по почте письмо с бомбой. Еще в Хэдингтоне, в самом начале карьеры. С наивностью юности она торопливо разорвала конверт и оказалась с ног до головы в порошке, хоть детонатор и не сработал. К счастью для нее, тот, кто состряпал устройство (кто это был и отчего имел зуб на оксфордских констеблей — так и осталось невыясненным), оказался далеко не Эйнштейном. И не Хитом Робинсоном, если уж на то пошло.

И хотя мысль о том, что в этом самом конверте лежит пластичная взрывчатка (или даже споры сибирской язвы), казалась ей маловероятной, сначала она все же обругала каждую строчку бесконечного счета за телефон, выбросила рекламу и только потом открыла конверт.

Пробежав взглядом письмо, она почувствовала почти непреодолимое желание закричать «не верю!».

Нет, ну это же шутка, правда?

Она взялась за письмо снова и на этот раз читала медленно, отмечая про себя юридические формулировки, неподдельно официозную шапку фирменного бланка и стандартную неразборчивую закорючку вместо подписи внизу.

Если это и шутка, то кто-то должен был потратить на нее просто прорву времени.

— Черт! — прохрипела Хиллари, раздавленная внезапным осознанием.

Это была не шутка.

Она схватилась за остывшую чашку, хлебнула от души, усмирив рык как раз вовремя, чтобы не подавиться, а потом в очередной раз многоэтажно выругалась в адрес своего покойного мужа.

Год как в могиле, паразит, и до сих пор никакого покоя!

Хиллари бросила взгляд на часы и сообразила, что ее машина, старый, прямо-таки древний «фольксваген», вряд ли с ходу заведется на таком морозе. А значит, надо идти его раскочегаривать, ну или опаздывать на работу. Она швырнула письмо в сумку (эх, если бы можно было так же легко вышвырнуть его из головы!) и торопливо заглотила остаток бескофеинового содержимого чашки.

Интересно, бывает, чтобы благотворительная организация и вправду подавала на кого-то в суд? Нет, Хиллари, будучи инспектором уголовной полиции долины Темзы, знала, конечно, что с технической точки зрения в суд может подать кто угодно и на кого угодно при условии, что речь идет о гражданском суде и что истец не прочь потратить кучу времени, измочалить себе нервы и взять на вечное содержание целую свору судей и адвокатов.

Но содержание утреннего письма отдавало какой-то вовсе уж феерической незамутненностью.

Хиллари миновала очень узкий коридорчик, ведущий к двери «Мёллерна», вошла в теплую парку и снова помянула недобрым словом Ронни Грина.

Он был ее мужем восемь лет, а когда Хиллари решила развестись, погиб в аварии, однако, даже покинув этот мир, забыть о себе все никак не позволял.

Уж он-то сделал все, чтобы его не позабыли.

Так, например, его деятельность вызвала жгучий интерес некоего полицейского управления, расследовавшего дело о коррупции — дело, по которому лишь какой-то месяц назад был дан официальный открытый отчет.

Ронни Грин оказался замазан по самое не могу, причем в лучшем своем стиле. Выяснилось, что он был активным членом группировки, торговавшей носорожьими бивнями, тигриными шкурами и прочей подобной экзотикой, и

заколачивал на этом деле солидную деньгу. Где находятся его грязные капиталы, оставалось (по официальным данным) неизвестным.

Но, хотя этот же отчет полностью очистил Хиллари от подозрений в соучастии, а она ничего иного не ждала, ясно было, что дело на том не кончится. И вот пожалуйста, письмо от Армии защиты вымирающих видов.

И название-то какое двусмысленное. Экологи на тропе войны. Надо будет поискать их в базе, когда доберется до работы (по правилам, конечно, рабочий компьютер в личных целях ни-ни, а на деле всем плевать), и посмотреть, что по ним есть. Только даже если они святее всех святых, это все равно не значит, что они могут тянуть лапы к ее дому!

Потому что, если только она не разучилась понимать юридический язык, именно этого и хотела АЗВВ.

Отобрать у нее дом.

Как писал юрист Армии, организация уже подала в суд ходатайство, прося заморозить продажу дома Ронни, пока не будет достигнуто соглашение или же не вынесено решение по более позднему иску, напрямую зависящему от первого.

Доводы их, насколько понимала Хиллари, были просты. Ронни Грин зарабатывал на страданиях животных, и зарабатывал незаконно. А потому будет только справедливо, если его имущество будет продано, а вырученные средства переданы в благотворительную организацию по защите исчезающих видов, дабы с помощью этих денег организация искупила сотворенное им зло.

Похвальное стремление, если бы только не тот факт, что эти ублюдки вознамерились выставить Хиллари из ее собственного дома!

За несколько месяцев до той самой аварии Ронни прак-

тически выжил ее из дома, славного дуплекса на главной улице Кидлингтона, и принялся морочить голову юристам, стремясь перекрыть жене все пути к недвижимости после развода. И все же, несмотря на это, сейчас дом принадлежал ей! Не то чтобы она собиралась снова там жить. Слишком уж много воспоминаний. Но ипотеку они платили вместе вплоть до того самого дня, когда Хиллари окончательно плюнула на сволочного муженька. По решению суда дом официально перешел к ней. Хиллари собиралась продать его и начать с чистого листа. Нет, эти из Армии защиты исчезающих видов наверняка просто хотят ее запугать.

Ни один суд не поддержит их претензий, в этом она была почти уверена. В конце концов, обвинений в ее адрес никто не выдвигал, и сама она не торговала ни тигриными пенисами, ни носорожьими рогами. Не говоря уже о медвежьей желчи.

И все-таки эти ребята могут начать таскать ее по судам в надежде оттяпать дом. Значит, придется нанимать адвокатов. Это дорого. Адски дорого. Да и времени займет немало.

Суперинтендант Маркус Донливи, ее начальник, вряд ли обрадуется, если один из его инспекторов окажется ответчиком по гражданскому иску и под это дело станет бесконечно требовать отгулы. Да к тому же поулегшаяся было шумиха вокруг имени Ронни Грина наверняка поднимется заново.

— Черт, — буркнула себе под нос Хиллари, захлопнула за собой дверь и задвинула засов.

Она спрыгнула на дорожку вдоль канала и зашагала прочь. Шагала она сердито, не глядя под ноги, и не заметила, как наступила на замерзшую лужицу. Нога резво поехала назад, Хиллари швырнуло вперед. Сердце у нее

подпрыгнуло, вырвавшийся изо рта в попытке удержать равновесие крик полузадушенной галки разнесся в застывшем воздухе.

Она уронила сумку и инстинктивно выбросила вперед руки, стремясь смягчить падение и избежать удара лицом о гравий. Увы, этого оказалось недостаточно — колено с хрустом ударилось о дорожку, и Хиллари сморщилась от боли.

Она торопливо огляделась в поисках свидетелей своего позора, однако деревушка под названием Трупп привычно изображала из себя город-призрак.

Впрочем, на носу соседской лодки появилась чья-то голова с гладкими темными волосами; Хиллари торопливо вскочила, подобрала сумку и стряхнула с синей юбки песок и иней.

— Ну, до вечера тогда, — грянул из каюты «Уиллоусэндс» жизнерадостный женский голос. — Приноси выпить!

Свежая жертва Нэнси Уокер, парнишка в аккуратном темном пиджачке и галстучке, подозрительно напоминавшем расцветкой герб колледжа «Корпус Кристи», пообещал, что непременно принесет, и на мгновение бессиленно привалился к борту с видом человека, только что заработавшего психологическую травму.

Хиллари ухмыльнулась.

Не заметив ее, он развернулся и осторожно зашагал по дорожке к деревне. Что-то в его походке подсказывало Хиллари, что причиной его осторожности является отнюдь не обледенелый бечевник. Судя по всему, парнишке было больно переставлять ноги.

— Привет, Хил. Ну и погода, мать ее за ногу!

Голос принадлежал Нэнси Уокер. Ее «Уиллоусэндс» пришвартовался в Труппе лет пять назад, если не больше.

Двигатель его был вечно сломан — так, по крайней мере, уверяла сама Нэнси. Но все прекрасно знали правду: Оксфорд стал для Нэнси богатыми охотничьими угодьями, покинуть которые было выше ее сил.

Никто не знал ее возраста — что-то между сорока и шестьюдесятью, — но преподносила она себя неизменно внушительно и, как это ни странно, отчасти по-матерински. Вот и теперь макияж ее был безупречен — в такую рань! — но когда она смотрела вслед ковыляющему юнцу, во взгляде ее явственно скользило что-то от домашней кошки.

— Черт, Нэнси, совсем ты парня заездила, — заметила Хиллари, когда юноша, чуть кренясь вправо, добрался до парковки у бара, открыл дверь «мини-купера» и рухнул внутрь как мешок с углем.

— Теологию изучает, — просто ответила Нэнси.

— А-а, — протянула Хиллари.

Это все объясняло.

Нэнси нырнула обратно в теплую каюту, а Хиллари заторопилась по своим делам, изо всех сил стараясь не замечать онемевших от холода пальцев ног.

Лодка под названием «Мёллерн» принадлежала ее дядюшке. Хиллари поселилась на ней в тот самый день, когда разбежалась с Ронни. Нынче и дядюшка, и Хиллари стали подозревать, что временное это решение имеет все шансы превратиться в постоянное! А Нэнси была одной из тех немногих, кто, подобно самой Хиллари, не торопился поднять якорь и отчалить после краткой остановки. Впрочем, Хиллари находила в постоянной смене окружения скорее удовольствие, нежели повод для огорчения. В конце концов, даже если однажды рядом пришвартуются худшие в мире соседи, то через неделю о них уже не будет ни слуху ни духу.

Автомобиль, как и ожидалось, заводиться не желал и только укоризненно кашлял двигателем, пока Хиллари безрезультатно крутила ключ в замке.

Она снова выругалась. Подумала про себя: а не удастся ли убедить какого-нибудь юриста из числа знакомых взяться за дело против зоозащитников бесплатно? Ага, как же!

Или хотя бы договориться, что оплата только по успешном завершении дела.

Как же, как же. Держи карман шире.

Или, может, если удастся выкрутить ему руки... Почти двадцать лет работы в полиции — уж наверняка найдется какой-нибудь прохиндей, который у нее в долгу.

Надо будет над этим подумать. Хорошенько подумать.

Конечно, она практически не сомневалась в том, что зоозащитников вполне устроит досудебное урегулирование вопроса — чудный образчик шантажа, причем совершенно законного. «Конечно-конечно, милочка, обойдемся без суда, только отстегните нам пятьдесят процентов». Им наверняка кажется, что жена замазанного полицейского, да еще и сама из полицейских — подходящая мишень для вымогательства. Что она все отдаст, только бы избежать нового скандала. Бедная овечка, несчастная жертва жестокой шутки судьбы, сладкая добыча для всякого, кто пожелает отщипнуть кусочек.

Хиллари хищно улыбнулась, и тут машина завелась.

Что ж, ребятки, вас ждет большой сюрприз.

* * *

Она почти десять минут возилась со скребком, но расчистить удалось лишь крошечный пятачок на ветровом стекле, поэтому, когда на стоянке возле участка в Кидлингтоне задние колеса сами собой заскользили по льду, она едва

разглядела «форд-мондео», к которому грациозно плыл ее автомобиль.

Хиллари легко коснулась тормозов, машину повело влево, и только вздернутый точно в нужный момент ручник спас радость и гордость главного инспектора «Мякиша» Мэллоу, позволив Хиллари остановиться буквально в дюйме от нее.

Чувствуя стекающие по спине капли пота, Хиллари дала задний ход и припарковалась поровнее. Из машины она вышла под приветственные крики невесть откуда взявшейся кучки констеблей, которые изо всех сил нахваливали ее «художественную парковку».

Щенки сопливые, подумала Хиллари и ухмыльнулась в ответ.

В дни, когда она сама топтала улицы, зеленым констеблям полагалось жить в страхе и трепете перед чинами в гражданском.

Проходя мимо констеблей в холл, Хиллари выставила средний палец и с ухмылкой выслушала очередную порцию еще более непечатных комментариев.

Миновав сержанта, который заученно-кратко приветствовал ее из-за стойки, она лениво поднялась по лестнице на свой этаж и, потыкав пальцем, набрала код, служивший пропуском в большой офис со множеством столов, где Хиллари принадлежал небольшой, открытый с боков закуток.

Про себя Хиллари звала это помещение крольчатником.

Рождественские украшения уже были сняты, елка выставлена за дверь в ожидании уборщиков, и оттого офис выглядел особенно уныло. За открытыми ставнями виднелся оксфордский горизонт, грязно-коричневая полоса земли с унылым серым небом над ней.

Обычный послепраздничный сплин.

Да еще это проклятое письмо от юриста.

Отличное начало для ледяного утра понедельника, с какой стороны ни посмотри.

А поскольку мужчин она по-прежнему упрямо отправляла в игнор — нет, В ИГНОР, — то даже воспоминание о едва передвигающем ноги студентике-теологе не могло согреть ее слишком долго спавшее сердце.

Чаша ее терпения определенно переполнилась.

— Хил, тут для тебя кое-что, — позвал ее начальник, главный инспектор Филип Мэллоу, он же Мэл, из своего кабинета. То есть это он так говорил — кабинет, хотя на самом деле это была всего-навсего собранная из готовых деталей комнатуха с фанерными дверями и пластиком, выдававшим себя за стекло.

Ну да хоть какое-то разнообразие посреди бескрайних рядов столов и стульев, которыми был уставлен общий офис.

Сделав это объявление, он тут же нырнул обратно к себе, но дверь оставил открытой. Он уже успел снять пиджак, закатать рукава до локтей и снять галстук. И даже в таком виде запросто мог сойти за мужскую модель из каталога «Брукс Бразерс».

При том что самой Хиллари достаточно было расстегнуть одну пуговку на белой блузке или пропустить крошечную морщинку на пиджаке, и готово — вылитая беженка из горячей точки. Или шлюшка из порножурналчика.

По дороге к владениям своего господина и повелителя она заметила сгрудившуюся вокруг одного из столов кучку констеблей в форме. Атмосфера в комнате висела мрачная.

— Что случилось, Сэм? — с любопытством спросила она, выцепив взглядом знакомого сержанта.

— Да все охранник, того. — Сэм Уотерстоун, здоровен-

ный могучий парень, который смотрелся бы естественно разве что на поле для игры в регби, поднял голову, слышав свое имя. На его лице явственно было написано, что он слишком много работает и слишком мало спит.

Хиллари ответила ему непонимающим взглядом, но через мгновение вспомнила.

С неделю назад на лабораторию близ Лонг-Харборо напала группа освобождения животных. Им показалось мало выпустить на свободу псов, а с ними и массу прочих пушистых и пернатых друзей человека: досталось и ночному охраннику, которого сильно ударили по голове.

Охранник угодил в больницу да так там и остался. Медики уклончиво отвечали, что прогноз неопределенный.

Что ж, теперь они наверняка определились.

— Значит, убийство, — непонятно зачем сказала она.

Но ведь не поэтому же Мэл ее вызвал. На это дело уже наверняка назначили какого-нибудь инспектора.

Тяжело вздохнув, Хиллари двинулась дальше. Еще до того письма от АЗВВ ее симпатии — как, впрочем, и симпатии почти каждого копа в участке — были на стороне если не лаборатории, то, по крайней мере, охранника, который в ней работал.

Думать об экспериментах над животными никто не любит, но в личном кодексе Хиллари однозначно говорилось, что никакие эксперименты не могут служить оправданием избиению человека, который в свои шестьдесят семь просто хочет подработать к пенсии, чтобы хоть раз в неделю накормить свою семидесятилетнюю жену мясом. Или сводить ее сыграть в лото.

А жене теперь жить на вдовью пенсию.

Бормоча себе под нос что-то очень неполицорректное в адрес любителей животных, Хиллари вошла в логово Мэла Мэллоу.

— Хил, в колледже Святого Ансельма студентка найдена мертвой. Скорее всего, передоз или, может, суицид. Разберись, ладно? — коротко попросил Мэл.

Он даже не поднял головы от отчета, который читал.

Ну-ну. Не одна она встала сегодня не с той ноги.

Потом Хиллари четко представила, из чьей постели, собственно, мог встать сегодня Мэл, и нахмурилась.

— Сэр, — коротко, в тон ему, ответила она. И вышла, очень тихо прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА 2

Идя к своему столу, Хиллари заметила, как в офис вошел констебль Томми Линч. Отлично, он ей сейчас пригодится. Молодой чернокожий констебль работал под ее началом шесть месяцев, и Хиллари уже почти уверилась: он сделан из правильного теста.

Зеленоват, конечно, но быстро учится.

— Босс, — приветствовала ее из-за стола сержант Джанин Тайлер. Джанин явилась на работу рано. В этом не было ничего странного: помимо золотых волос и красоты Джанин обладала немалой амбициозностью, а вкалывала с такой энергией, о которой Хиллари могла только мечтать. И все-таки Хиллари спросила себя: может быть, раннее появление Джанин на работе имеет какое-то отношение к кислому настроению Мэла?

Мякиш Мэллоу не зря получил свое прозвище. Он был человек мягкий. Или, по крайней мере, старательно выстраивал этот образ. Не один преступник, не говоря уже о ни о чем не подозревающих младших (или даже старших) офицерах, был потрясен, осознав, какая волчья хватка скрывается за этим улыбчивым обликом.

Но у всех есть свои слабости. Слабостью Мэла были